

Рашида СТИКЕЕВА

СОБАКА

Деду Назару плохо спалось. С вечера крепко уснул, но вскоре проснулся: лаяла соседская собака и болела нога, которой вот уже тридцать пять лет как не было, а была часть конечности, оставшаяся после ампутации.

Рядом, похрапывая, спала жена Нагима, повернувшись на левый бок к стенке. Она всегда спала на этом боку, вот уже без малого пятьдесят лет.

Поверх низкой занавески выглядывала луна. Она то выкатывалась тусклым пятком из ночной тучи, обливая всё вокруг бледно-желтым светом, то вновь закатывалась за нее.

«Что это меня сегодня так прихватило?» – думал старик. Он то прикладывал руку к груди, то ко лбу, а то, откинувшись на спину, щупал культю. Но кровь двигалась сильными толчками, сердце бодро стучало, всё работало отлаженным механическим заводом. Может, собачий лай, доносившийся из соседнего двора, не давал покоя?

Война всё реже приходила по ночам. Когда всё же являлась, то снилось одно и то же: рядовой разведроты Назар Муртазин полз в высокой зеленой траве, в сторону незнакомой литовской деревни, слева старательно сопел новобранец Лёша Новиков, справа прикладывал бинокль к глазам старший сержант Николай Ванцов...

– Деда, ты спишь? – раздался над самым ухом шепот.

Назар широко открыл глаза и повернул голову.

– Деда, мне страшно! – семилетняя внучка стояла у кровати в просторной ночной сорочке, перешитой из бабкиной, редко одеванной, переминаясь с ноги на ногу.

– Ты писать хочешь? – быстро спросила Нагима, поднимаясь на голос.

– Деда, мне страшно. Там лает... – она коротко махнула рукой в ту сторону, откуда доносился собачий лай, при этом не проявив интереса к заданному бабушкой вопросу.

Нагима легонько толкнула мужа в бок:

– Иди уже... страшно ей... – и удобно улеглась на согнутую в локте руку, глядя в ночной комнатный сумрак, собираясь и дальше наблюдать, как ее дед, суровый и строгий для всех днем, ночью будет скакать на одной ноге, в одном исподнем, по одному зову маленькой капризы.

Часы на стене спальни отстукивали час ночи.

Отношения самой младшей из всех внуков и грозного главы семейства были удивительны, прежде всего для самого Назара.

Удивительно, что она – болезненная неженка и плакса, капризуля и трусиха, его нисколько не боялась, а боялась мышей на хоздворе, гусениц в огороде, темной бабкиной кладовой, чужих кошек и много всякой ерунды.

Даже поседевшие сыновья, давно обзаведясь семьями, с глубоким уважением и почтением оставляли за ним последнее слово в решении самых разных вопросов. Не говоря уже о многочисленных внуках, которые остерегались его резкого слова или окрика, грозного взгляда.

Маленькая Рита своих двоюродных братьев и сестер сторонилась. Их шумные потасовки и беготню наблюдала издали. Они ее и не трогали, по простой причине, что малявка еще... В гостях и вовсе пряталась за спину взрослых. На рынке или в магазине, куда часто брал ее с собой дед, держалась за край дедова пиджака.

Усадьба деревянная, крепкая, с просторным двором, многими пристройками, огородом и баней. Всё, как положено сибирскому подворью, хотя прописка и жизнь была вполне городская, только по другую сторону небольшой реки Туры в ее нижней части – заречной. Там, где теснился самострой с деревянными узкими тротуарами, фанерным, еще дореволюционным, заводиком, небольшим клеверным полем и геологоразведочным лагерем из заброшенных старых вагонов на подступах дальних болот.

Большой дом был всегда полон людьми и звоном ребячьих голосов. На длинном столе горячий самовар, сахар и бублики. Днем заходили дети, забегали внуки, заглядывали соседи. Калитка запиралась только на ночь, и так жили все в округе.

Светлыми северными вечерами со всей улицы собирались девчонки и разноцветными, голосистыми стайками шли на танцы. Выходили через переулок на Мостовую площадь, стуча каблучками, шли по щербатому булыжнику мимо продуктового магазина, небольшого рынка и почты к старому шаткому деревянному мосту, разделявшему Тюмень на две части – старый город и новый, прямехонько в центральный городской парк.

Ближе к ночи, на завалинках позевывая, сидели бабки или матери, выглядывая своих девчонок. К сыновьям это не относилось. Считалось, видимо, мужчина он всегда мужчина и догляд за ним ни к чему.

Вернувшись с танцев, молодежь еще долго, до глубокой ночи, обсуждала на улице свои приключения, то здесь, то там слышались смех и пение. Пока не выходил дед Назар. Громко скрипя деревянной ногой, он гнал всех спать, подгоняя крепким словом и размахивая тяжелой подручной палкой.

Летом в дом привозили кого-нибудь из дальних внуков. Старший сын жил в Казахстане, Караганде. Одна дочь жила в Киргизии, во Фрунзе, еще одна, несчастная разведенка, – в Бийске, остальные были рядом, по соседству, в основном на этой же улице.

Всего у Назара было десять детей. Война взяла одного. самого старшего и не родного. Был он сыном Нагимы от первого брака, отчего Назар сильно подозревал, что его-то она любила больше всех.

Учился он в Москве, в военной академии. В начале мая сорок первого года пришло письмо от пасынка, где он обмолвился, что, дескать, грядут большие военные учения... Нагима письмо прочла и тотчас сожгла в печке. Летом того же года сгинул где-то под Брестом. Позже пришла бумага со страшными, ничего не значащими словами – «пропал без вести».

Назар обо всем этом узнал значительно позже, много времени спустя, после возвращения из госпиталя. Тогда же и начали приходить эти люди в штатском, вежливые такие, всё спрашивали Нагиму – нет ли вестей от старшего сына?

Она никогда о сыне не заговаривала, только изредка плакала по ночам. Раз в год, по осени, в дом на поминальный обед приглашали стариков и в молитве имя его, как усопшего, выпевал старенький слепой мулла во главе целого списка умерших родственников.

Вся их долгая совместная жизнь протекала в основном мирно. Он знал свои обязанности и свою ответственность, она же вела хозяйство и обихаживала детей. На принятие серьезного решения или совета он просил время, а именно что-то вроде «утро вечера мудренее».

На ночь, если в доме оставался гость, плотно закрывал дверь в спальню, проговаривал вслух, и было непонятно – или он советуется с женой, или так сам себя слушает. Чаше Нагима молча выслушивала эти его рассуждения и иной раз давала дельные советы. Но однажды всё же серьезно поссорились.

Случилось это очень давно, примерно в начале пятидесятых, и не оставило следа в их семейной жизни.

Тогда к Назару пришли уважаемые люди из мусульманской общины с просьбой написать письмо самому генералиссимусу. Он согласился. Писал не торопясь, всю неделю, напоследок решил прочесть вслух, так сказать, закрепить в правильности выбранных выражений и фраз.

Дождлся позднего вечера, когда дела улеглись и, нацепив очки на нос, неторопливо прочел жене сочиненную просьбу открыть в городе мусульманскую мечеть. Нагима выслушала, как всегда, не перебивая, и коротко бросила:

– Дурак ты и есть дурак! Аллах милостив, девятерых детей нам оставил, а теперь ты решил свою голову в пасть волку толкать? Зачем тебе мечеть? Ты намаз дома...

И вышла тогда между ними страшная ссора.

Назар кричал, что это она – дура! Что ничего не понимает, ...что делается благое дело, народ пережил великую войну и много потерял, в том числе веру, а она... да что там говорить... Даже деревянным протезом с ботинком на конце запустил в нее от великой досады. Она поймала его деревяшку и закинула дальше в угол, туда же полетели и костыли, чтобы не дотянулся. Он долго прыгал, матерясь, на одной ноге пытаясь достать, и злился от этого еще больше.

Наутро Нагима, прихватив самого младшего сына – школьника, уехала в деревню к одинокой тетке на целый месяц. Назар тем временем поехал в Москву, обивал там высокие пороги, низко кланялся чиновникам, тряс наградами, просил, упрашивал и добился-таки разрешения. Вернувшись, собрал старейшин, передал документ с разрешением и был страшно горд собой, только большая досада сосала, что рядом нет жены. Спустя два месяца они помирились...

– Деда, может, она плачет? – внучка сидела в луче лунного света на разложенном ко сну диване, спрятав ноги под просторную сорочку. Она то горестно разводила в сторону свои тоненькие руки, то подносила их близко к Назаровым развесистым усам, трогая их кончики. Вдруг ее личико, такое грустное, сочувствующее, засияло неожиданным прозрением и восторгом: – А может, у нее детки остались, а, деда? Надо спросить у дяди Саши...

Влажные глазенки лениво закрывались-открывались, и маленький пальчик вновь тянулся к усам, и она тихо охала: колючие какие! Настоящие усы, как у Тараканища из книжки!

– Давай-ка спать. Завтра пойдем к Сашке и допросим его. А сейчас ложись!

– А ты...

– А я посижу рядом.

Нагима еще какое-то время прислушивалась к постукиванию костылей и легкому покашливанию мужа, но потом незаметно уснула.

* * *

...Взять «языка» – это работа разведки при наступлении.

На задание собирались трое: неунывающий старший сержант Николай Ванцов, молчун рядовой Назар Муртазин и угловатый, с виду совсем подросток, лет двадцати, веселый паренек Алексей Новиков. Известие, что он идет в разведку, Новиков принял слегка растерявшись. Переминаясь с ноги на ногу и почесывая за ухом, он произнес негромко:

– Всегда готовы. Нам что в поиск, что в турпоход на природу, с припасами продовольствия, конечно. Правда, в турпоход все-таки лучше, безопаснее.

– А вообще-то ты прав, – поддержал его Ванцов. – Сходи-ка на кухню, может, повар что и подкинет нам на дорожку.

– Смысл улавливаю, – под хохоток окружающих весело отозвался Новиков и отправился на кухню.

Новобранец Новиков был словоохотлив, с ежигом торчащих из-под пилотки иссиня-черных цыганских волос и большой любовью поспать – засыпал Алексей мгновенно и в любой обстановке. Переживать Леша начал заранее. Его было жалко – первое задание, и с погодой не повезло: дождик вяло накрапывал.

– Не трусь, Леха! Мы же рядом, – пытался поддержать Ванцов, – с нами не пропадешь!

– Я и не боюсь, – смело таращил перепуганные глаза Леха.

– Ты родом откуда, Алексей? – продолжал весело Ванцов.

– Из Кургана.

– Из Кургана?! Так вы ж с Муртазиным земляки. Он из Тюмени, это где-то совсем рядом, – обрадовался вместо товарища Николай.

– Да, это правда! У меня там мама осталась и младший братишка. Я учился в Москве, оттуда и на фронт взяли.

– Зачем берем с собой эту «спящую красавицу», командир? – сердился в свою очередь Назар.

– Он немецкий язык знает, а немецкий с литовским вроде похож. Там на месте останется, в лесу, прикрывать будет, – коротко распорядился Ванцов и тихо пояснил: – Людей больше нет, – но затем улыбнулся: – И потом... он же твой земляк!

Вышли еще засветло, шли неторопливо, гуськом. Все трое настороженно вслушивались в привычные звуки войны: шипение взлетевшей неподалеку ракеты, внезапную пулеметную очередь где-то на правом фланге, неожиданный разрыв выпущенных противником для острстки мин.

К полудню ушли далеко, подошли к краю болота, потом пересекли небольшую поляну. Немного пересидев, двинулись дальше в сторону леса. Вновь припустивший мелкий дождь застал уже в лесу. Через полчаса он перестал. Подувший с востока свежий ветерок разогнал тучи, и под самый вечер, ненадолго, даже проглянуло кроваво-красное солнце.

– Это ничего. Тихо. Вроде удача с нами, – Ванцов сверкал белыми зубами в сумерках, как молодой волк.

В чаще, тревожной и темной, двигались бесшумно и быстро. Новиков с непривычки тяжело и прерывисто дышал. Ванцов же с татаринном двигались стремительно. Вдвоем они не раз выходили на боевые задания. Воевали вместе уже год, с начала сорок третьего.

Наконец лес поредел, и выступили очертания деревянных срубов домов. Было тихо.

– Всё. Отдохнуть, – шепотом отдал приказ Ванцов и прыгнул в мелкий овражек, за ним Муртазин. Новиков сполз на дно овражка и лег в высокую мягкую траву, усеянную мелким белесым цветком.

Николай неторопливо изучал в бинокль кажущиеся вполне мирными гражданские позиции, переноса свой взгляд с одного объекта на другой, замечая и четко фиксируя ориентиры, по которым будет двигаться группа по территории противника. Его внимание привлекла заросшая кустами балка с боковым ответвлением, которая тянулась вдоль хозяйственных построек большинства деревенских домов. Он всё чаще и чаще задерживал на ней свой взгляд, о чем-то раздумывая.

Темнота сгустилась по-осеннему быстро.

– Пора, – вновь шепотом скомандовал Николай.

Выдвинулись. Шли медленно, пригнувшись. После недавнего дождя бурьян стал мягким, не трещал, скрадывал движение. Ночь поглотила разведчиков, готовых в любое мгновение ускориться или надолго затаиться, превратившись в слух и зрение.

Спустились в балку и ждали. Тихо. Ни звука. Снова начали движение. Скоро попали в боковое ответвление и осторожно прокрались вдоль склона.

Настороженное ухо различило чей-то разговор.

– Ясно, – прошептал Николай, – здесь они спокойны. Считают, что линия фронта в стороне. Да они нас и не интересуют. Нам нужны сведения, как тут и что. Что с населением, сколько кого осталось и какое оружие при них – таков приказ.

– Запах-то какой, товарищ сержант! – прошептал Леша, вчерашний студент факультета романо-германских языков, унимая дыхание, расстегнул верхнюю пуговичку гимнастерки и прикрыл глаза.

– Запах... – нахмурился Назар.

– Так пахнет сладко! – тер глаза Леша.

– Не спать! – зло прошипел командир. – Ты где находишься? В разведке или в культпоходе? Все разговоры прекратить! – злой блеск антрацитовых глаз и щедрый мат.

Из балки выбрались, пробежались, пригнувшись, на краю поляны остановились. В деревне послышались пьяные крики, вскоре залаяла собака. По отрывистым звукам голосов невозможно было понять, на каком языке говорят – всё перекрывал собачий лай.

– Новиков, это немецкий?

– Никак нет, товарищ сержант. Это литовский, надо полагать, ненормативный...

– Значит, местные... полицаи. Новиков, возвращаешься в лес и там сидишь, прикрываешь нас... если что. Только не спать, не спать, слышишь, твою мать?! Остальные за мной! Заходить будем вон с того крайнего дома, – и, кивнув вправо, подхватил автомат наперевес.

«Остальные» в лице единственного рядового Назара Муртазина двинулись малыми перебежками в сторону крайней избы...

* * *

– Сашка, почему твоя собака по ночам лает? – открывая тяжелую калитку соседа, вместо приветствия громко выговаривал Назар.

– Здравсьте, дядя Назар, – улыбался навстречу сосед. – Сам не знаю, чего лает?

– Ты лучше скажи, где ее нашел? – Назар пристраивался сесть на скамью возле дома, при этом не выпуская внучкину ладошку.

– Так из Тобольска ж ехал, от тещи, – таращил глаза молодец Сашка. – Еду, значит, а она вдоль тракта бегаёт. Я ее заманил, и в машину. А что, хорошая собака! Вон морда какая умная, и лапы...

Собака и впрямь была породистой. Острая длинная морда, высокие передние и приземистые задние ноги. «Немец, немецкая овчарка, – определил про себя Назар. – Откуда в наших краях?»

– А щенки? Куда дел? – напирал дед.

– Так не было, – клялся Сашка, пристраиваясь рядом.

– Здравствуй, дедушка Назар! – на крыльцо вышла Сашкина жена Надежда, в цветной косынке, светлом фартуке поверх платья и калошах на босую ногу.

– Что, замучила наша собака своим лаем? И нас тоже. Ночи напролет лает и лает, окаянная. Ой! Это к вам внучка приехала?! Тебя как зовут, маленькая?

– Рита! – и наконец вытянула свою ладошку из дедовой шершавой. – А вы куда?

– Я корову доить, – Надежда присела рядом и погладила девочку по голове.

«Своих детей так и не завел, – вздохнул про себя Назар. – Как был сиротой, так и помрет, видно, одиноким...» Для себя же давно решил, что умереть он должен раньше жены, и не иначе.

Сашка с Назаром замолчали. Надежда вынесла для девочки конфет. Та поблагодарила и отдала деду, оставив себе одну, спрятав в карман кофточки.

– Деда, пойдем с собачкой знакомиться!

Назар, крепко держа за руку ребенка, подошел к собачьему лежбищу и встал на безопасное расстояние.

Собака лежала на земле возле будки и безучастно смотрела на приближающихся старика и девочку. Спина и часть ее головы были почти черного окраса. Миндалевидной формы глаза казались совсем темные, без зрачков. Стоячие треугольной формы уши, направленные вверх, слегка шевелились. Длинная, расширенная между ушами голова лежала на вытянутых передних лапах. Черная мочка носа слегка подрагивала. Хвост в форме изгиба гулял себе из стороны в сторону.

В какой-то момент всё тело собаки с растянутой темной линией на спине подобралось. Она села, внимательно глядя на людей, и вдруг неожиданно сильно и зло залаяла, припадая на передние лапы, то и дело щелкая ножницеобразными зубами.

– Боюсь, боюсь! – закричала Рита. – Деда! Она злая! – и заплакала.

* * *

...Вскоре вышли на тропинку, которая вывела на бахчу. Осмотрелись. В конце бахчи, впритык, возвышалось плетеное сооружение с островерхой соломенной крышей – сторожка высотой метра четыре. Не сговариваясь, направились к ней. Командир вошел первым. Он быстро осмотрел помещение сначала изнутри, потом снаружи, оценил ее полезность и коротко бросил: «Располагаться!»

Через несколько минут ознакомились с планом действий.

В деревне не более двадцати деревянных домиков. Два дома сожжены, вокруг них всюду разбросаны домашний скarb, одежда. Корова с пробитыми боками лежала среди пожарища. Тихо. Странно, людей не видно. Неужели хутор пуст?

– Нет, все здесь, – Ванцов не выпускает из рук бинокль. – Видимо, местные литовцы боятся всех: и своих полицаев, и нас, русских.

Так просидели они до утра.

Молодая литовка обнаружила их неожиданно. Вскинувшись, закричала было, но потом замолчала и кое-как, на пальцах объяснила, что, дескать, вчера под вечер их чуть не спалили – партизан искали. Больше ничего толком не сказала. Только испуганно таращилась и мотала головой.

Весь день они просидели в сторожке, пытаясь понять, что в деревне, а ночью та же литовка бесшумно привела полицаев.

Силы были неравны, разведчики не успели глазом моргнуть, как оказались окружены. В коротком бою Назара серьезно ранило в ногу. Бежать не смог. Стиснув зубы, уговаривал Ванцова уходить без него, но тот только отчаянно матерился. Гранатой разворотило часть стены, и взрывной волной накрыло обоих.

Всё произошло стремительно. Очнувшись в сарае. Было обидно, будто случилось это не с бывалыми служаками, а с неотесанным молодняком.

Ногу он не чувствовал совсем. Ее как будто не было. Голова кружилась и страшно мутило.

Ванцов был рядом, возился в углу сарая. Сарай хоть старый, но видно было, что крепкий, из кирпича. Он застонал, нога отдалась сильной болью.

Сержант повернулся на стон, голова его была разбита.

– Живой? Очухался?

– А ты? – Назар еле шевелил губами.

– Да приложились пару раз, чтобы не дергался, – Николай вытер рукавом капаящую кровь со лба, только размазал.

– Чего делать будем?

– Молиться, татарин, будем! Ты по-своему, я – по-своему. – И вновь полез в угол. – Я всё понять не могу – где Новиков? Стреляли из леса, слышал? Ты как?

– Нормально, мутит только.

– Это контузия. Меня тоже немного задело. Значит, смотри сюда...

Из сарая они выбрались с большим трудом. Ванцов по запаху определил, где держали свиней. В свинарнике была подкопана стена, видно, свиньям тоже хотелось на волю. До леса старший сержант нес на спине товарища. В лесу искали, вернее, Ванцов искал Лёшу Новикова, но обнаружил только автомат и пилотку. Назара же он оставил в том самом ромашковом овражке, возле кривой березы.

Под березкой Назар осмотрел свою ногу. Рана сильно кровоточила. Сняв и порвав на куски свою нательную рубашку, намотал на ногу, но кровь всё же сочилась. Кругом стояло всё то же густо пахнущее ромашковое изобилие, жужжали пчелы и пели птицы. Тут-то он и потерял сознание.

Дальше Назар всё плохо помнил. Увидел вдруг возникшую перед собой черную собачью морду, оскаленную и хрипящую от лая. Крики полицаев, мат, хохот. Обратно в деревню сержант тащил его так же на себе.

Теперь их бросили в пустой колодец. Колодец, до конца не высохший, прел стоялой водой, от этого гнилого запаха было совсем плохо: кружилась и болела голова, мучила тошнота. На влажном колодезном дне, расстелив гимнастерку Ванцова, Назар окончательно впал в беспамятство. Мокрая одежда леденила тело, от этого боль была острее, жестче. Сквозь туман сознания слышал лай собак, крики, нечеловеческие вопли. Приходя в себя на короткое время, всё спрашивал сержанта:

– Новикова нашел?..

* * *

Солнце стояло уже высоко, когда сели пить чай. Надежда поставила на стол веранды желтое домашнее масло и свежий творог, в сахарницу отсыпала конфет. Осы немедля атаковали стеклянную вазочку со смородиновым вареньем. Хлеб Надежда пекла сама. Он у нее получался высокий, упругий, с тонкой хрустящей корочкой.

Хорошая хозяйка, жаль, что бездетна, опять подумал Назар и повернулся к хозяину дома. Сосед, натянув свежую майку на могучее тело, сидел, как всегда, улыбаясь, щуя светлые глаза и приглаживая давно не стриженные темные волосы.

– Сашка, она же у тебя зимой погибнет. Это же не северная порода, – дед внимательно смотрел на собаку.

– Я ее в дом пушу. На кухне будет, – хитро подмигнул Сашка.

– А Надюха как? – тихо спросил Назар.

– Договорюсь, она у меня жалостливая.

– И все-таки, почему она у тебя лает по ночам? Сколько месяцев уже! Все соседи жалуются. Может, что-то с мозгами того?.. – Назар почесал затылок.

Собак они с Нагимой держали всегда, но это были северные породы: лайки, хаски, маламуты. Вот и сейчас дома, в будке, свесив темный язык, дремала серая лайка Кунак. С овчарками встречался только однажды, во время войны, и встреча эта была страшная.

– Ой, дедушка! Куда она пошла?

Надежда подскочила и бросилась в сторону собачьей будки. Назар вдруг почувствовал, как единственная нога стала слабеть, сердце в груди увеличилось, тошнота подкатила к горлу.

– Рита, стой!

Жаркое марево стояло в воздухе, мухи стаями облепили собачью миску и кружились над собачьей головой. Собака лениво отмахивалась хвостом. Почуввав что-то, открыла глаза и подняла голову, как по команде повернулись уши, задержался темный нос. Навстречу ей шла девочка, что-то приговаривая. В открытой детской ладошке, поблескивая леденцовыми яркими боками, лежала конфета, источая приторно-барбарисовый запах.

– Собачка, тебя как зовут? Меня Рита. Вот, возьми. Мы там чай пьем...

Она присела на корточки, и собака большим лиловым языком слизнула с ладошки леденец в одно мгновение, позволив себя при этом погладить.

Всё произошло так быстро, что никто ничего не понял. Злая собака, много месяцев не подпускавшая к себе никого, кроме хозяина, вдруг легла под детской рукой:

– Ты по деткам скучаешь? А где твои детки? – в ответ собака хрустела конфетой на весь двор.

Не допив чай, сердитый Назар привел заплаканную Риту домой и сразу полез в аптечку за корвалолом. Накапал себе в стакан, залил водой и залпом выпил. Он так испугался, что в сердцах накричал на любимую внучку, при этом еще страшно стукнул палкой об землю, отчего расстроился еще больше. Весь вечер переживал. К большой его досаде, Нагимы не было дома, уехала к родственникам в деревню на чьи-то похороны. Двум старшим дочерям и внукам, что были в это время в доме, на хозяйстве, говорить ничего не стал. Не принято было у Назара делиться с детьми.

Рита же, немного поплавав, ушла с теткой и двоюродной сестрой в коровник, где жил недавно родившийся теленок Борька.

Дед вышел за ворота и сел на широкую скамью возле дома, разложив остаток ноги, не торопясь набил трубку и долго, раскуривая, успокаивался. Сидел до сумерек, отмахиваясь от комаров сломанной веткой, пока не вышла дочь и увела отца.

Рано утром приехала Нагима, выслушала мужа, недовольно покачав головой, поворчала, затем приласкала теплую от сна внучку и помирила их.

Рита совсем не обиделась на деда. Сказала только, что он ее напугал, а собака совсем не страшная, она – грустная!

* * *

...Назар очнулся от грохота и гула выстрелов. Было так холодно, что даже вернувшийся с сознанием ужас притупился. Небо из колодца еще было совсем темным, но при этом светлым от вспышек, понять ничего нельзя было.

– Николай, я на каком свете: на том или этом? – Боль была такая, что казалось, льется из ушей.

– Тихо, брат татарин! Кажись, наступление по всему фронту! Наши, наши наступают! – Ванцов стоял вдоль влажной стенки колодца. – Смотри, не подохни здесь... задание так и не выполнили, эх... не дождались нас. Мы тут с тобой загораем, эх...

Наступлением Красной Армии, а именно стремительными наступательными действиями тридцать третьей армии, пригород Вильнюса и сам город был освобожден.

Половину хуторка снесла с лица земли артиллерия. Ракеты взлетали, свистели снаряды, грохотали и ревели орудия, стучали пулеметы. Сколько это продолжалось – неизвестно, только вдруг стало тише и над головой весело раздалось:

– Славяне, вы здесь?

– Все здесь, – глухо откликнулся главный славянин Николай Ванцов.

На голову посыпались камешки, протянулись чьи-то руки, затем послышались голоса и появились лица.

– Ну что, горе-разведка?! – следом послышался хохоток.

– Муртазин-то наш кажись, отвоевался! – это последнее, что услышал Назар, глотнув свежего воздуха, как вдруг промелькнуло: Леша Новиков, его, его забыли, а он там, в лесу!

Дальше были госпитали. Три месяца в одном, три месяца в другом. Ногу ампутировали, контузию залечили. Долгое время после возвращения ночами он бежал от собаки, хрипящей от лая и с кровавой пеной на морде. Казалось, сама война в этих снах за ним гонится.

Нагима несколько лет отпаивала его травами и кормила лекарствами, а он ночами рвался искать Лешу Новикова, от которого только и осталось, что солдатская пилотка да солдатский ремень.

* * *

В воскресенье утром вновь отправились к соседу – кости для собаки отнести. Собака при виде девочки начала приветливо вилять хвостом. Подошел и Назар, потрепал за ухом, приговаривая:

– Хорошая, хорошая...

И, уже обращаясь к хозяину, заметил:

– А ведь сегодня ночью меньше лаяла?!

– Что правда, то правда, и мы заметили. Дай Бог привыкнет... – Надежда всё смотрела на девочку.

Вновь собака хрустела конфетой, млея под Ритиной рукой, и не было больше злой овчарки на улице Мичурина, а была сторожевая Герда, умная и бдительная.

Вечером того же дня принесли телеграмму. Дочь из Бийска сообщала, что выезжает на следующей неделе и времени у нее на гостевание только три дня. Назар повздыхал-повздыхал и пригорюнился. Привык он к девочке, да и она здесь среди родственников успокоилась, окрепла, повеселела.

Время быстро прошло, вот только вроде собрались за большим столом, обнимались, целовались, говорили и песни пели, а уже дочь, забрав внучку, уехала.

Наступила осень.

Подросшие внуки пошли в школу. На улице зарядил дождь, дети заняты работой, да и соседи реже заглядывали. В доме стало совсем пусто. Тихо стало и по ночам. Иногда Назар замирал от кажущегося шепота:

– Деда!

Просыпался, удивляясь глубокой тишине: соседская собака и та молчала.

В эти часы сны Назара не тревожили, раны не беспокоили, но непонятная тоска нет-нет да и сжимала сердце. Как-то днем открыл сундук, вынул старые письма. Разобрал, нашел письма командира, перечитал, походил, подумал и понял.

В одном письме старый фронтовой друг писал:

«Вот ты всё про Новикова спрашиваешь. Я так думаю, он сам виноват в своей смерти. Уснул тогда в лесу. Ты помнишь, как он поспать любил? Поли-

цаи ведь не дураки, понимали, что кто-то нас прикрывать должен, вот и бросили собак на поимку, а он – спит. А может, и выследили, когда он возвращался в лес. Нет, всё же думаю – спал.

И взяли его, тоже думаю – тепленьким. Притащили в деревню себе на потеху и нам для устрашения спустили на него собак. Это я уже понял. Ты тогда валялся без сознания, а я всё слышал, голос его слышал, вопли... Страшно я тогда злился, что у него и оружие, и гранаты, всё при нем было! И зачем я его с нами потащил?! Сплю плохо. Всё перед глазами стоят: ты, он, собаки эти немецкие, морды полицаев. До конца войны я еще много ребят хоронил, а этого Новикова чаще всех вспоминаю. Меня ведь сразу из медчасти на допрос. На мою удачу полицаев в хуторе отловили, кто не успел сбежать. Их свои же местные прятали, и они подтвердили всё как было...»

Останки Алексея Новикова так и не нашли. По крайней мере, об этом сержант не писал. Похоронить не случилось, родственникам не сообщили или сообщили: «пропал без вести», а он не пропал – умер как солдат. Война, одним словом.

А с Сашкиной собакой они подружились. Нет-нет да и приносил ей мелких куриных костей или крупных бараньих, изредка шлепал в собачью миску темную обрезь конины.

Она его узнавала, не лаяла, а только натягивала толстую цепь, напрягаясь всем телом, и вытягивала черную морду навстречу.

Прошел год.

В пятницу, ближе к обеду, несмотря на жару, собрался Назар на Мостовую, в магазин за хлебом. Завернул было к Сашке, хотел с соседом обсудить ремонт общего забора, а там – нет никого. Поковылял дальше в магазин, решив, что на обратном пути снова зайдет. В хлебной лавке, не торопясь, потолкался, слушая разговоры, разглядывая всех и вся. Наконец, взяв булку подового к обеду и кило бубликов к чаю, отправился в обратный путь. На углу возле почты сидела цыганка и крутила в немых руках леденцовые петушки на плохо струганных палочках. Тут Назар вспомнил, что скоро дочь привезет внучку. Хотя писала она редко, за целый год два письма, как раз в последнем спрашивала, можно ли привести Риту, на что Нагима долго охала, дескать, нашла про что спрашивать, и села быстро писать положительный ответ.

Вот и серые низкие Сашкины ворота. Назар открыл дверь калитки, перенес деревянную ногу через высокий порог и позвал:

– Сашка! Сашка!

Широкий убранный двор безмолвствовал. Солнце палило нещадно. Пот заливал лицо, казалось, воздух стал совсем густым, совсем близко, где-то сбоку раздавался собачий лай...

Вдруг Назар удивился: не он это был и не соседский знакомый двор, а литовская деревенька и свежее пепелище двух сожженных домов перед глазами. Увидел он и высокую крышу соломенной сторожки на краю селенья, услышал крик полицаев и приближающийся хриплый лай натасканных псов. Навстречу ему бежала не приветливая собака Герда, а немецкая овчарка с пенной саблезубой пастью. Она высоко прыгнула, а он, выставив вперед руки, закрываясь от нее, закричал, по лицу в тот же миг прокатилось что-то мокрое. Свет от ужаса мгновенно померк, и сердце Назарово остановилось.

Десятью минутами позже сосед Сашка остановил свою машину возле дома, громко хлопнул дверцей кабинки, открыл тяжелую калитку и вошел во двор. На пороге, откинув деревянный протез, лежал дед. Возле него, поскуливая и облизывая мертвое лицо, сидела собака, рядом валялся обгрызенный леденцовый петушок, разливая вокруг приторно-сладкий запах.